Идиш зазвучал по-украински

На презентации сборника «Верлібри»

Велвл Чернін. Верлібри. — Львів: Кальварія

Это не дань культурологической моде, рождением своим обязанной Майдану. Украинский язык и культуру москвич Велвл Чернин открыл для себя еще в советском детстве, на летних каникулах у дедушки и бабушки в Пирятине Полтавской области. Здесь, вдали от столиц, украинцы говорили по-украински, евреи — по-еврейски, то есть на идише, а по-русски разговаривал лишь телевизор. И мало кому приходила в голову странная идея о том, что украинцы и русские — один народ, а украинская культура — младшая сестра русской, — каждая из них жила своей жизнью, не претендуя на «первосортность».

Потом был истфак МГУ и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького, где Велвл начал писать на идише, работа в «Советиш

геймланд», репатриация в 1990-м, докторат в Бар-Илане. И стихи... Стихи на языке, который великий Башевис назвал когда-то языком мертвых. Нобелиат был не так уж неправ — в братской могиле у села Тарасовка лежит гораздо больше родственников Чернина, чем тех, кто пережил войну. А сколько таких могил разбросано по Украине — не сосчитать. И все-таки в том, что идиш до сих пор не забыт живыми, во многом заслуга таких литераторов, как Велвл Чернин, понимающих — их прочтут немногие, но это не повод отказываться от маме-лошн.

Конечно, стихи израильского поселенца, пишущего на идише, изданные по-украински, да еще и в авторском переводе, — это экзотика. Хотя для лауреата премии им. Давида Гофштейна «Верлібри» — не первый подобный опыт — несколько лет назад он выступил составителем вышедшей в Киеве «Антології єврейскої поезії», в которую вошли десятки украинских переводов с идиша, читает авторские курсы в Украинском католическом университете во Львове (разумеется, на державній мові), в том же Львове издана его книга «Вірю, що я не пасинок», посвященная феномену еврейского присутствия в украинской литературе.

Карманный формат «Верлібров» не должен вводить в заблуждение — в сборник включены избранные стихи, начиная с 1982 года, — стихи очень разные, полные символизма и скрытых аллюзий, которые несведущий читатель не всегда может расшифровать.

Произведения глухого советского времени преисполнены одновременно тоской и надеждой — здесь мы встретим и посланца Бар-Кохбы в московском метро, и окажемся в зоопарке, где в каждой клетке сидят братья — Лев (Арье), олень (Гирш), медведь (Бер). Лишь для того, чтобы услышать голос автора, испуганного пустой клеткой с табличкой «Вольф» (то есть, «волк» — идиш, Велвл является уменьшительной формой этого имени): «Надо бежать отсюда, Велвл».

Чего здесь нет, так это обреченности, скорее, чувство сопричастности — даже когда Чернин вновь обращается к образу защитника Масады в стихотворении 1984 года «Неизвестному солдату»:

Лезо твого меча,

По-чаклунськи довге

У просторі й часі,

Ввійшло в моє серце.

Я маю претензію до тебе, вояче:

Ті мусив бути обережнішим

Зі своєю зброєю.

Природа в стихах Чернина — совершенно особое явление, не сводимое к стихии или элементу пейзажа. Неман из стихотворения 1986 года — больше, чем просто свидетель еврейской трагедии, а река

…яка проковтнула

Німе та гучне «Шма»

У місяці вересні

Сорок першого року.

Характерен также мотив треснувшего солнца или неба в «Однажды» — стихотворении, которое заслуживает того, чтобы привести его целиком:

Одного разу кришталевий ковпак неба

Не витримав натиску вітру,

І раптом небо луснуло.

Уламки впали на землю.

Гвалт!

Я зібрав уламки

Та склеїв небо.

Але зараз вже важко дихати

Під цим небом

Ймовірно, винен клей.

На еврейском кладбище Львова

Поминая мир, который был убит, — тот самый мир, говоривший когда-то на нынешнем «языке мертвых», Чернин старательно избегает человеческих образов. И от этого пустота становится лишь пронзительнее, как в написанном во Львове стихотворении «После авдалы»:

Мало євреїв залишилося в цьому місті.

І ще менше приходять молитися навіть в суботу.

Слава Богу, є ці липи. Багато лип.

Скільки потрібно.

Вони ввібрали з цієї землі так багато єврейської крові,

Що можна вважати їх євреями за Галахою.

При всем пиетете автора к украинской культуре здесь нет места иллюзиям — Украина для Чернина «чужая страна, чей язык я помню». Другое дело — Израиль, в любви к которому поэт признается без пафоса, а с некоторым

недоумением человека, которому посчастливилось жить *у себя дома*, как в стихотворении «Моя игрушка». Этот негромкий мотив звучит и в строфах о вечном городе — своеобразном признании в любви к земному Иерусалиму, куда поэт приносит «куски грязи, налипшие в Изгнании».

Другую роль отводит поэт Тель-Авиву — городу, который «можно любить, а можно ненавидеть», сравнивая его с синагогой, где одни молятся, а другие не переступают ее порога. Впрочем, «любовь» — слишком поверхностное слово для описания отношения Чернина к Эрец Исраэль — лучше всего это ощущение передано в стихотворении «Міцний незнайомий запах». Эрец Исраэль из детских снов, о которой бабушка говорила, что «это прекрасная страна, чтобы умереть, а жизни там вообще нет» превращается в сон наяву, в жизнь в детском сне,

З померанцями, газелями та узгір’ями,

З мовою святих померлих,

У радісний таємниці дива

Вмирання, яке є подарунком

І пошаною. Я удостоївся.

Это «я удостоился» во многом задает тон всему сборнику — несмотря на кажущуюся разношерстность и временной разброс — на удивление целостному и выверенному. Удостоился, впрочем, не только Чернин. Но и его украинские читатели, которые смогут прочитать идишистского поэта с «украинскими» корнями на своем родном языке.

Михаил Гольд